

У ИСТОКОВ «БЫЛОГО И ДУМ»

Публикация Ю. Красовского

В письме Герцена к друзьям из Парижа от 19 июня 1851 г. читаем: «Я писал в одной неудавшейся и неоконченной статейке: „Я равно не желаю ни жить очень долго, ни умереть завтра. Пускай себе придет конец так же случайно и бессмысленно, как начало...“» («А. И. Герцен. Новые материалы. Подгот. Н. М. Мендельсоном». М., 1927, стр. 74). Эта «неоконченная статейка» до сих пор остается неизвестной. Но с ней как-то связана публикуемая нами французская рукопись Герцена «Посвящение (Николаю Огареву)». В рукописи имеется именно та цитата из статьи, которую привел Герцен в письмо к друзьям.

Даже при беглом чтении этого текста легко установить его прямую связь с «Былым и думами».

В конце четвертой главы «Былого и дум» — «Ник и Воробьевы горы» содержатся известные строки, обращенные к Огареву: «Так-то, Огарев, рука в руку входили мы с тобою в жизнь! Шли мы безбоязненно и гордо, не скупясь, отвечали всякому призыву...» и т. д. Под этим обращением сноска: «Писано в 1853 году» (XII, 77). «Посвящение» начинается словами: «Мне было тринадцать лет, когда я встретил тебя. Ты был моложе на год. Вместе входили мы в жизнь. Шли мы безбоязненно, с высоко поднятой головой, с огнем в груди, не скупясь расходовали себя; мы отвечали всякому призыву...» и т. д. Перед нами первый вариант обращения к Огареву из четвертой главы «Былого и дум». Пять-шесть других строк из текста «Посвящения», начиная со слов: «...я больше ничего не жду для себя...» до слов: «Конец придет так же случайно... как начало» — вошли почти в не измененном виде в другой раздел «Былого и дум», а именно — в «Западные арабески», где тоже сделана сноска: «Писано в конце 1853 года» (XIII, 297—298).

Но есть, вместе с тем, между «Посвящением» и текстом «Былого и дум» существенная разница. «Посвящение» написано Герценом в момент тяжелого душевного кризиса (оно датировано 10 июня 1851 г., т. е. вторым днем приезда Герцена в Париж из Ниццы). Здесь преобладают мотивы усталости, равнодушия, душевного упадка. Это документ, непосредственно отражающий состояние Герцена в самый напряженный момент его отношений с Гервегом. В письме к Мальвиде Мейзенбург от 27 августа 1853 г. Герцен вспоминал: «Года два тому назад я писал посвящение Огареву, и в этом посвящении» я ему говорил: „я больше ничего не жду для себя, ничто меня не удивит, ничто не порадует меня глубоко...“ Эти строчки были написаны с большою искренностью» (VII, 310). Обращение же к Огареву в «Былом и думах» написано в 1853 г., когда этот тяжелый период уже миновал, и Герцен снова обрел свою веру в будущее и дух оптимизма, снова почувствовал себя революционным деятелем и бордом. Отсюда — иная тональность обращения к Огареву.

Как известно, первые упоминания о «Былом и думах» в переписке Герцена относятся к осени 1852 г. (VII, 157—158). Работа над текстом мемуаров велась Герценом в 1852—1853 гг. Публикуемое «Посвящение», которое имеет уже вполне законченный характер, написано полутора годами ранее. Из текста «Посвящения» ясно, что оно было задумано как предисловие к сборнику произведений Герцена. К какому же?

В «Посвящении» мы читаем: «... мне невольно пришла на ум старческая мысль собрать в одну книгу все, что я написал». Эти слова не могут, конечно, относиться к брошюре Герцена «О развитии революционных идей в России», изданной в Париже

в 1851 г., так как ее никак нельзя назвать «рассеянными позабытыми листками», которые скрывали в себе то, что «так тесно соединяло» прошлое Герцена и Огарева. Очевидно, речь шла действительно о намерении Герцена собрать в одну книгу свои избранные сочинения, включив в те отрывки и записи мемуарного характера, которые он набрасывал, начиная с тридцатых годов. Но 1851 год был в жизни Герцена временем совершенно не подходящим для такого фундаментального предприятия, и оно не было осуществлено.

Таким образом, можно предполагать, что созданию «Былого и дум» предшествовал какой-то период, когда Герцен занялся или думал заняться собиранием *всего* написанного им, а значит и своих старых мемуарно-автобиографических записей. В 1852 г. Герцен отказался от этой мысли и предпринял «новый труд» — приступил к созданию «Былого и дум».

Хотя «Посвящение» и не появилось в печати, многие друзья Герцена были знакомы с этим документом. Знала его М. Мейзенбург, знала М. К. Рейхель, которой Герцен писал 25 августа 1853 г.: «Вы помните, я в посвящении Огареву сказал: „я не хочу ни завтра умереть, ни долго жить; пусть конец придет так же бессмысленно и случайно, как начало“» (VII, 306).

В 1853 г. Герцен ввел текст «Посвящения» в переработанном виде в окончательную редакцию «Былого и дум».

Бесспорно, что работа над созданием «Былого и дум» как законченного художественно-мемуарного произведения относится к 1852—1853 гг., к лондонскому периоду жизни Герцена. Но первая попытка собрать и осмыслить всё, что было написано, а следовательно, и весь материал мемуарного цикла, должна отныне, на основании публикуемого «Посвящения», датироваться почти двумя годами ранее.

Идея эта возникла еще на континенте, и толчком к ней явились трагические события 1851 г.

Слова же Герцена: «...я не нахожу в себе ни сил, ни свежести, необходимых для того, чтобы предпринять новый труд...» — были быстро опровергнуты им самим на деле. Ближайшие годы явились одними из самых плодотворных лет его творческой и общественной жизни — годами, когда были созданы «Былое и думы» и организована вольная русская печать.

DÉDICACE

(A NICOLAS OGAREFF)

J'avais treize ans lorsque je te rencontrai. Tu étais plus jeune d'une année. Nous entrâmes ensemble dans la vie.

Nous marchions sans crainte, la tête haute, le coeur plein de feu, nous n'étions pas avares de nous mêmes, nous répondions à chaque appel, nous nous abandonnions avec franchise et en entier à chaque entraînement. La route choisie par nous n'était pas facile, mais nous ne l'avons jamais délaissée; blessés, brisés nous marchions — et nul ne prit les devants sur nous.

Je suis arrivé, moi — non au but, mais là où commence la descente, et je cherche ta main, afin de nous en aller ensemble, comme nous sommes venus, et te souriant avec tristesse, te dire en te pressant cette main: «Ami, voilà, tout!» car je n'attends rien pour moi, rien ne m'étonnera, ni me réjouira profondément. L'étonnement et le bonheur sont bridés en moi par les réminiscences du passé, par les craintes de l'avenir. J'ai acquis tant de force d'indifférence, de résignation, de scepticisme, je veux dire tant de vieillesse, que je survivrai à tous les coups de fatalité, quoique je n'aie ni le désir de vivre longtemps, ni celui de mourir demain. La fin viendra par hasard sans conscience, ni raison, comme le commencement. Je ne la provoque, ni la fuis — et cela parce que je suis vieux.

En veux tu encore la preuve: je ne trouve en moi ni l'énergie, ni la fraîcheur nécessaires pour entreprendre un nouveau travail et involontairement l'idée sénile de rassembler tout ce que j'ai écrit dans un seul livre s'est présentée à moi.

Rédicau
(A Nicolas Ogarev)

J'ai mis trois ans longuement à remanier
ce livre plus qu'un livre ancien. Mais cela
carrément dans le vin.

Mes marches leur ont coûté le bec et
le cœur plus de feu, mais si elles parurent
à nous mêmes, nous regardâmes à chaque page
avec nous à abandonner avec franchise et
en outre à chaque instant. Le seul
choix par nous n'est pas fait, mais nous
de l'avis même, éblouissant, bête, brisé
nos membres — et tout ce peut le dire
les yeux.

Je lui avais, moi — non au tout nous
le son commença le départ, et je cherche
le rien, après à nous en aller comme le flam
non formant nous et le pourrât avec toute
te plus ce se présente avec nous. Oui, voilà!

Non, car j'ai attendu rien pour moi, rien en
m'entraînant, ni me regardant profondément.
Il écrivait et le bonheur des bêtes en
moi par le reniement de moi, par le
crainte de l'homme. J'ai acquis tout à son
et de l'homme, de l'écriture, de l'écriture.
Si vous n'avez tout de moi que que j'ai
vraiment à tout le corps et le talon. J'ai
je n'ai ni le feu de l'homme, ni l'écriture.
Je n'arrive même. La fin même par l'écriture
dans l'écriture, ni l'écriture, comme l'écriture.
Je la propose, ni le fait — et cela par
je suis même.

En, avec la course des jours, je ne trouve
en moi ni l'écriture, ni la franchise. Je
comprends un nouveau terrain et j'arrive
comme l'écriture de l'écriture tout ce que
j'ai écrit dans un seul livre. J'ai écrit à
moi.

Mes parties de ce qui nous rendent — si nous
nous abandonnons, en franchise, j'arrive et j'arrive
à tout ce que j'ai écrit, plus de nous que ce que nous
avons.

Je n'ai pas en franchise.
Je n'ai pas en franchise. Je n'ai pas en franchise,
les bêtes que nous regardons dans un instant
et les bêtes nous l'avez à nous que nous
avons comme et ainsi.

Alors, j'ai écrit.

10 juin 1871. Paris.

Rue de Valenciennes. Hôtel de la Ville, 1871.

«ПОСВЯЩЕНИЕ (НИКОЛАЮ ОГАРЕВУ)»

Рукопись Герцена на французском языке, 1851 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Une partie de ce qui nous soudait si intimement s'est enfouie dans ces feuilles éparées et oubliées et tu l'y retrouveras plus jeune, plus sonore qu'en moi-même.

Je t'offre ces feuilles.

Pour toi elles auront un double sens comme les tombes que nous rencontrons dans un cimetière et sur lesquelles nous lisons des noms que nous avons connus et aimés.

Alexandre H e r z e n

10 Juin 1851. Paris
Rue S. Hyacinthe.
Hôtel du Prince Régent

Перевод:

ПОСВЯЩЕНИЕ

(Николаю Огареву)

Мне было тринадцать лет, когда я встретил тебя. Ты был моложе на год. Вместе входили мы в жизнь.

Шли мы безбоязненно, с высоко поднятой головой, с огнем в груди, не скупясь расходовали себя; мы отвечали всякому призыву, искренне и безраздельно отдавались всякому увлечению. Путь, нами избранный, был нелегок, но мы его не покидали ни разу; раненые, сломленные, мы шли, и нас никто не обгонял.

Я дошел — не до цели, а туда, где начинается спуск, и я ищу твоей руки, чтобы вместе выйти, как мы вместе пришли, чтобы пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: «Друг, вот и всё!». Ибо я больше ничего не жду для себя, ничто меня не удивит, ничто глубоко не порадует. Чувства удивления и радости обузданы во мне воспоминаниями былого, страхом будущего. Во мне накопилось столько безразличия, безропотности, скептицизма, другими словами, столько старости, что я переживу любой удар судьбы, хотя я равно не желаю ни долго жить, ни завтра умереть. Конец придет так же случайно, бессознательно и бессмысленно, как начало. Я не тороплю его и не стараюсь избежать, и это потому, что я стар.

И хочешь, вот тебе еще доказательство: я не нахожу в себе ни сил, ни свежести, для того, чтобы предпринять новый труд, и мне невольно пришла на ум старческая мысль собрать в одну книгу все, что я написал.

Часть того, что так тесно соединяло нас, скрыта в этих рассеянных, позабытых листках, и ты найдешь все это там более юным и более звучным, чем во мне самом.

Я дарю эти листы тебе.

Для тебя они будут иметь двойной смысл, как те могилы, которые мы встречаем на кладбище и на которых читаем когда-то знакомые и любимые нами имена.

Александр Герцен

10 июня 1851 г. Париж.
Улица Св. Гиацинта.
Отель Принца-регента.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 144. — Перевод Е. Рунич.